

Светлана Алексеевна МАРТЬЯНОВА¹

УДК 821.161.1

ПУШКИНСКО-ДОСТОЕВСКИЙ МИФ О «БЕСОВСТВЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Т. Ю. КИБИРОВА

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной филологии,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
martyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118

Аннотация

Статья посвящена анализу и интерпретации мифа о «бесовстве» в творчестве современного российского поэта Т. Ю. Кибирова. Мифу о «бесовстве», восходящему к стихотворению А. С. Пушкина «Бесы» (1830), принадлежит особое место в истории русской литературы XIX–XXI вв. В. А. Грехнев выделил его основные компоненты, а Д. М. Магомедова проследила путь мифа в послепушкинской литературе, от М. Ю. Лермонтова к М. А. Булгакову. Вместе с тем жизнь пушкинско-достоевского мифа о «бесовстве» в литературе постсимволистской, в независимой русской литературе XX века и литературе современной остается неизученной. Автор статьи, обращаясь к материалу стихотворений Т. Ю. Кибирова «Послание Льву Рубинштейну» (1989), «Даешь деконструкцию! Дали...», «Хорошо Честертону — он в Англии жил», «Историософский центон», «Мы Христа не продавали», «С Новым годом» и др., поэмы «Кара-Барас», драматических опытов «Ночь перед и после Рождества», «Победа над Фебом», хроники «Лада, или Радость», выявляет элементы сходства с традициями А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского: образы пустопорожнего мрака и хаоса, потери пути, ценностных ориентиров, обращение к символике жанра баллады, представленные в серьезной, игровой, иронической тональности. Классическая традиция содержит важные ключи и ценности для понимания новой действительности и становится неотъемлемой частью художественного языка ее описания. Верность классике при этом лишена чувства исключительности, громкой патетики, морализма, нередко включает в себя тона идиллические,

Цитирование: Мартянова С. А. Пушкинско-Достоевский миф о «бесовстве» в творчестве Т. Ю. Кибирова / С. А. Мартянова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 180-191. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

сентиментальные, юмористические. Возвращение поэта к классической литературной традиции происходит после забвения или отрицания ее ценностей в советское время, вызвавшего к жизни культурную проблематику постсоветского периода. В ходе работы были использованы методы сравнительного литературоведения, интертекстуального анализа, мифопоэтических и историко-культурных исследований.

Ключевые слова

Универсалии, миф, демоническое, цитата, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Т. Ю. Кибиров.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

Введение

Универсалии человеческой культуры, к которым относятся представления о духовных силах бытия, восходят к древним религиозным представлениям и находят себе воплощение в художественных текстах. При этом формируются устойчивые мифопоэтические структуры и топосы описания добрых и злых сил. Литература Нового времени унаследовала древние представления и образы, соединив их с элементами личного творчества. Писатели воскрешают, модифицируют, перерабатывают древние образы, которые составляют своего рода постоянные величины художественных произведений [14, с. 159]. Изучение жизни древних образов и представлений в литературе близкого нам времени и современных текстах — одна из актуальных задач литературоведения.

Традиционное, восходящее к иудео-христианской культуре, представление о бесах состоит в понимании их как «противников Бога и Божия дела в мире», действующих в качестве духов-искусителей, одаренных умом и волей, ведущих борьбу с Богом за душу человека [1, с. 40-44]. А. Ф. Лосев, определив миф как «развернутое магическое имя», привел в качестве примера заклинательную молитву из Требника Петра Могилы, содержащую такие определения беса, как «нечистый», «скверный», «льстивый», «безобразный», «змеевидный», «звероломный», «безлицый» и др. [8, с. 252-253].

Подробное рассмотрение всех исторических модификаций образов нечистой силы в художественной литературе в их взаимодействии с народной демонологией или христианской картиной мира не является целью нашей статьи. Мы исследуем преломление мифа о «бесовстве», как он сложился в творчестве А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, в произведениях Т. Ю. Кибирова. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать литературно-критические и литературоведческие подходы к пониманию литературного диалога Т. Ю. Кибирова с А. С. Пушкиным; проследить историю анализа стихотворения А. С. Пушкина «Бесы»; выявить интертекстуальные связи творчества Т. Ю. Кибирова со стихотворением А. С. Пушкина и его последующими вариациями в русской литературе; определить своеобразие кибировского диалога с литературной классикой.

Объектами рассмотрения стали не только поэтические, но также драматические и прозаические опыты Т. Ю. Кибирова: «Послание Льву Рубинштейну», «Даешь деконструкцию! Дали...», «Хорошо Честертону — он в Англии жил», «Историософский центон», «Мы Христа не продавали», «С Новым годом», «Кара-Барас», «Ночь перед и после Рождества», «Победа над Фебом», «Лада, или Радость».

Методы

В процессе работы были использованы как общенаучные (наблюдение, описание, обобщение, сопоставление), так и специфически литературоведческие методы исследования (герменевтика, сравнительно-литературоведческий и культурно-исторический подход, мифопоэтический, мотивный и интертекстуальный анализ). Для достижения целей работы принципиальное методологическое значение имели труды А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Д. М. Магомедовой.

Результаты исследования и их обсуждение

Литературная критика и литературоведение о пушкинской традиции в творчестве Т. Ю. Кибирова

Творчество Т. Ю. Кибирова, генезис его поэтики вызывает противоречивые суждения. Его относят то к постмодернистам с их пристрастием к цитатным играм и тотальной иронии, то к рыцарям вечных ценностей и классической традиции [13]. Решая этот вопрос, важно принять во внимание суждения самого поэта. Отвечая на вопрос: «Кибиров и постмодернизм — насколько это серьезно?», писатель говорит об отсутствии четкой договоренности о существовании постмодернизма и поясняет: «Если же под этим, надо сказать, порядком надоевшим словом подразумевается отрицание всякой иерархии, принципиальный релятивизм и т. д. — то я смею надеяться, что ко мне это не относится и никогда не относилось» [2]. Тем самым поэт подчеркивает, что богатый интертекстуальный план, непринужденный диалог с читателем, созидательная ирония существовали и раньше, не являясь художественным завоеванием именно постмодернизма.

В интервью критику Валерии Пустовой Кибиров говорит о связях современной поэзии с классической лирикой XIX–XX вв. как непрременном условии бытия художественного творчества и, опираясь на пушкинское стихотворение «Зимнее утро» («Мороз и солнце...»), определяет важные для себя эстетические ценности классической поэзии: сложность содержания и прозрачность языка. Называя свои стихи «простыми и открытыми», он говорит о невозможности их понимания без знания текстов Пушкина, Тютчева, Цветаевой, «хотя бы Чуковского» [11].

В кибировском восприятии Пушкина есть религиозный мотив. Русский поэт «золотого» века представляется ему, наряду с О. Мандельштамом, «райским» творцом, пирующим в Кане Галилейской. Это не холодный, отрешенный олимпиец, а участник особого брачного пира, «угодник Божий», протягивающий себе-седникам «кружку драгоценных вин» («Рождественская песнь квартиранта»).

Следуя за поколением Бродского, Кибиров совершенно по-особому воспринимает книгу как «наиреальнейшую реальность», с которой можно вступить

в диалог. Человек, по убеждению поэта, воспитывается тем, что он читает. И самого себя Кибиров ощущает и нашим современником, и «собеседником на пиру» с великими поэтами прошлого.

Родство Кибирова с пушкинской традицией в русской литературе признано ведущими критиками, литературоведами, поэтами. А. С. Немзер в одной из своих рецензий увидел в романских «вздохах» и «заклинаниях пустоты» влияние Пушкина [10, с. 367]. В другом тексте, говоря о постоянной обращенности Кибирова к «вечным образцам», Немзер отметил как что-то очевидное, что один из языков поэта — язык Пушкина [13].

Пушкинская традиция в творчестве Т. Кибирова стала предметом исследовательского внимания и в работах М. В. Строганова, М. И. Шапира, Г. Л. Гуменной, Д. Н. Багрецова. Вместе с тем специального исследования, изучающего рецепцию пушкинско-достоевского мифа о «бесовстве» в творчестве Кибирова, пока не существует.

Стихотворение А. С. Пушкина «Бесы» и формирование мифа о бесовстве в русской литературе

Для решения задач нашей работы важно отметить, что пушкинское стихотворение «Бесы» (1830) вызвало повышенное внимание в отечественном литературоведении 90-х гг. XX века в связи с интересом к философским аспектам и интертекстуальным связям позднего творчества поэта. Особо значимы для нас работы В. А. Грехнева и О. Проскурина. Они имеют обобщающий характер и представляют два подхода к пониманию пушкинского текста.

В. А. Грехнев увидел в стихотворении Пушкина «сюиту», «сплав» лирического и философского осмысления действительности, вмещающего в себя черты символично-условные, природные (метель, равнина) и бытовые, подчеркнута прозаические (ямщик и его речь). По мнению нижегородского пушкиниста, в «Бесах» происходит отчуждение ставших традиционными поэтических языков для воплощения нового переживания мира: тоска, тревога, жуткие предчувствия, чувство кружения по бездорожью [6, с. 233].

В комментариях к стихотворению «Бесы» О. Проскурин, подчеркнув связь стихотворения с жанром баллады и фольклорной образностью, отметил отсутствие балладного сюжета, выдвигая на первый план «восприятия» лирического героя и охарактеризовал многочисленные связи и переклички стихотворения с фольклором и произведениями европейской литературы (например, с «Божественной комедией» Данте и стихотворением В. Гюго «Джинны») [12, с. 327, 328, 331].

Д. М. Магомедова проследила путь формирования литературного мифа о «бесовстве» (от пушкинского стихотворения к произведениям М. Лермонтова, Н. Гоголя к романам Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»), его национальную специфику и преломление в структуре поэмы А. Блока «Двенадцать» и стихотворении М. Волошина «Северо-восток». Обращение к мифу о «бесовстве» связано, по мнению исследовательницы, с темами русского бунта и революции, разгула природных

стихий, противоречий в общественной и частной жизни и нашло себе продолжение в произведениях других поэтов и писателей: А. Белого, Б. Пильняка, М. Булгакова. Позднее Д. М. Магомедова обратилась к изучению трансформаций мифа в русской публицистике начала XX века, в работах С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева. При этом исследовательница подчеркивает, что рассмотренные ею примеры — «это не единичные опыты, а развивающаяся традиция» [9]. Точные и глубокие выводы и наблюдения Д. М. Магомедовой представляют особенную значимость для нашей темы, тем более, что анализ этой традиции в последующей русской литературе и современных произведениях оказался за пределами ее внимания.

Миф о бесовстве в лирике Т. Ю. Кибирова

Образно-тематические переклички с «Бесами» являются устойчивыми в лирике Кибирова. Они связаны с образами безбрежного пространства («неведомые равнины» в «Послании Льву Рубинштейну»), «кромешного мрака» и зловещих звуков («Даешь деконструкцию! Дали...»), бездорожья и потери пути, метели, прячущей следы, «вожатого», «мелких бесов» на телеэкране («Мы Христа не продавали...»), образами вихревого кружения бесов и чертей («С Новым годом», «Объективности ради мы запишем в тетради...»), похорон домового и свадьбы ведьмы («На реках вавилонских стонем...»), именованьем собрания классиков коммунистической идеологии «уцененными волхованиями» («Мы Христа не продавали...»), мольбой к Божией Матери при виде разгула сил хаоса и тьмы («Историософский центон»).

Состояния лирического героя в стихотворениях Кибирова похожи на переживания путника в «Бесах»: сталкиваясь с реальностью нечистой силы, он испытывает невольный страх и безотчетную тревогу, вопрошает о духовной сущности таинственных явлений.

Образы современного беснования настолько устойчивы, что поэт называет новое обращение к ним «автореминисценцией» («Автореминисценция»). Пародируя любовь современного литературоведения к отвлеченному теоретизированию, Кибиров одновременно сообщает о бесновании как некоем бесконечно длящемся процессе: «Креативный класс клубится, / Сомелье, шоколаде...».

Шуточная поэма «Кара-Барас» имеет подзаголовок «Опыт интерпретации классического текста». Слова «все кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом» являются аллюзией к пушкинским «Бесам». Бесовским началом отмечены здесь явления не массовой, а элитарной гуманитарной культуры, отказавшейся от служения идеалу, смыслу, Логосу. Отказ привел к странным превращениям, таинственным исчезновениям и бесовской неразберихе, в которой смешались гностицизм, соллипсизм, Деррида, М. Фуко. Нетрудно увидеть в поэме пародию на опыты истолкования классических текстов в духе модных интеллектуальных теорий. А вместе с тем лирический герой сообщает и о собственной причастности к хаосу, называет себя «греховодником» и говорит о возвращении к «порогу Отчему» в духе евангельской притчи о блудном сыне.

Отсылки к пушкинским «Бесам» очевидны и на уровне ритмико-синтаксическом. Стихотворения, включающие прямые пушкинские цитаты («*Послание Льву Рубинштейну*», «*Хорошо Честертону — она в Англии жил...*», «*Автореминисценция*», «*Что все это означает?*», поэма «*Кара-Барас*»), написаны четырехстопным хореем — размером, имеющим свой семантический «ореол» в творчестве А. С. Пушкина. М. Л. Гаспаров, характеризуя семантические ореолы четырехстопного хоря в поэзии пушкинского времени, отметил возможность соединения «песенной бодрости» и «тревожной смутности ищущей мысли» [4, с. 115]. Память о пушкинском образце сохраняется в текстах Кибирова, написанных четырехстопным хореем, однако тематика и интонация в их взаимодействии с ритмом требуют отдельного изучения.

Таким образом, Кибиров возвращается в своем творчестве к литературному мифу о «бесовстве». Традиционное представление об изменчивости ликов нечистой силы проецируется на различные явления современной российской действительности, в которых много мешанины, лжи, подмен, отступничества и нигилистического отрицания. При этом современные процессы понимаются поэтом как отдаленные последствия «бунтов» прошлых лет. Образы литературной классики составляют полюс устойчивости в неустойчивом мире.

«Историософский центон»

В названии стихотворения «*Историософский центон*» обыгрывается его жанровая принадлежность. В послебарочную эпоху центоны стали «стихотворной шуткой» [5, с. 1185], Однако уже слово «историософский» подсказывает иной ракурс восприятия, не шуточный. Оно содержит отсылку к спорам о путях и судьбах России, национальном характере, христианском призвании, возникшим в 30-е гг. XIX века. Нельзя сказать, что все стихотворение составлено из плотно подогнанных друг к другу авторских цитат, соединение которых рождает однозначно комический эффект. В стихотворении есть вставки-комментарии от имени «мы» и «я», прерывающие течение поэтической речи, останавливающие его, выводящие из-под автоматизма. Здесь очень ярко реализуют себя экспрессивные ореолы четырехстопного ямба, о которых говорилось выше: «песенность» соединяется с тревожной медитацией.

Кибиров работает с историософскими, или религиозно-философскими обобщениями русской поэзии. Можно сказать, что он подвергает их деконструкции, но не ради разрушения как такового, а ради поиска подлинной реальности российской истории, ее смысла. Для уяснения итога поиска попытаемся назвать цитируемые в стихотворении произведения. Будем следовать за порядком их появления в тексте: «*Эти бедные селенья...*» Ф. И. Тютчева, «*Двенадцать*» А. А. Блока, церковнославянский текст *Библии*, *Послания* апостола Иакова, «*Медный всадник*» А.С. Пушкина, «*Русский бог*» П. А. Вяземского, «*Тараканище*» К. И. Чуковского, «*Братья Карамазовы*» Ф. М. Достоевского, «*Жизнь упала, как зарница...*» О. Э. Мандельштама, «*Пророк*» А. С. Пушкина, «*Россия*» М. Волошина, «*Ворон к ворону летит*» и «*Бесы*» А. С. Пушкина.

Кибирова, как последователя историософских поисков XIX-XX веков, волнует прежде всего религиозная судьба России. Об этом стихотворении можно сказать словами В. М. Жирмунского об А. Блоке: «победы и поражения на этом пути, как и свою судьбу поэт оценивает как религиозную трагедию, как борьбу за Божественное призвание человеческой личности» [7, с. 301].

По существу, в стихотворении *«Историсофский центон»* подвергается деконструкции миф о «святой Руси», об ее избранничестве. Избранническая идея приводит к появлению своего рода лжеикон. Поэт подбирает цитаты, казалось бы, этому мифу вторящие, но внезапно останавливает течение речи: там, где Тютчев и Блок однозначно связывали черты русского характера с христианством, там Кибиров говорит: *«К сожаленью, не Христос»*. Россия, пережившая опыт XX века, оказалась не лучше и не хуже других, однако же быстрее других и «ничтоже сумняшеся» от Христа отвернулась, посчитав его «слишком распятым». Национальная идея восторжествовала над христианской. По существу, Кибиров описывает процессы идолатрии, свойственные низшим видам религий, поэтому появление «медного идола» как «русского бога» становится неизбежным. Подлинной иконе противопоставлена лжеиконичность: *«Он идет державным шагом, / Машет он кровавым флагом», «Он в шинелишке солдатской, / С физиономией дурацкой»*.

Местоимение «мы» имеет особое значение в этом стихотворении, напоминая о «мы» Лермонтова (*«Богаты мы, едва из колыбели...»*), Блока (*«нас всех подстерегает случай»*) Ахматовой (*«но мы узнали навсегда...»*), Мандельштама (*«Мы живем, под собою не чуя страны...»*). Местоимение мы наделяется контекстуальным значением, отсылая нас к поколению, народу, населяющему страну, страдающим людям. Поэт не противопоставляет себя большой общности, а включает себя в нее, выступая от ее имени. Вместе с тем именно ему свойственна пронизательность, которой нет у других людей. Он способен четко различить зло и назвать его по имени: *«Не отец ли это лжи?», «Таракашке поклонились // И букашке покорились!»* Распознавая ложь своего времени, поэт стремится победить смерть, получить свой «пропуск» в бессмертие.

Не отрицая факта «святой Руси», поэт фиксирует вместе с тем отступничество, совершенное легко и бездумно. И хотя Кибиров продолжает верить в «неубитую» святую Русь, стихотворение завершается щемящей нотой, корректирующей тютчевский и любой иной исторический оптимизм реминисценцией из пушкинских «Бесов». Тем самым поэт возвращает нас к пушкинско-достоевскому мифу о бесовстве, который в XX веке был актуализирован Блоком, Волошиным, М. Булгаковым. В заключительной строфе «мы» исчезает, остается только «я». Поэт заклинает проснувшийся хаос мольбой к Божией Матери.

Многоликость, множественность бесовских личин, мельтешение отсылают нас к роману «Бесы». Завороженность сменяется прозрением. Прозрение обнаруживает себя через какую-либо несообразность: *«к сожаленью, не Христос», «он идет державным шагом», «с физиономией дурацкой»* и пр.

Вместе с тем финал стихотворения отчетливо соотношен с его эпиграфом, взятым из поэмы А. Твардовского «Ленин и печник». Что объединяет «Бесов» Пушкина и произведение Твардовского, какую роль это сближение выполняет в контексте стихотворения Кибирова? Пушкинское стихотворение и произведение Твардовского сближает сюжетная ситуация встречи «в чистом поле» и балладная символика. Если в «Бесах» она вполне очевидна, то в стихотворении Твардовского выступает не столь явно (встреча с незнакомцем, идущим «без дороги», пустой, нелюдимый дом, в котором живет Ленин в Горках). Сбившиеся с пути герой пушкинского стихотворения и ямщик уверенно предполагают в «мутной месяца игре» пляску бесовских сил, а печник в стихотворении Твардовского такого знания лишен. Его отношение к Ленину подобно отношению к Богу (страх, обернувшийся любовью, готовность служить и «отличиться»), но он явно ошибается в своем различении. Печник живет в условиях утраты подлинных ориентиров, место которых заняли лжебожества и кумиры.

Завершение стихотворения на пушкинской ноте проясняет и сложные взаимосвязи произведения с традициями А. Блока. Это не только обращение за помощью к высшим силам бытия (шестикрылому серафиму, ангелу, Матери Божьей). Финал кибировского центона побуждает вспомнить стихотворение «Пушкинскому дому»: в «в непогоду», изнемогая в некоей «немой борьбе», Блок ищет помощи у Пушкина.

Как видим, игровой план «Историософского центона» отсылает к серьезному второму плану, составляющему своего рода подтекст произведения. Два плана взаимодействуют, порождая сложный смысл, помогающий понять экзистенциальную тревогу субъекта лирического высказывания, увидеть в авторе не только поэта, но и мыслителя. Историко-софские прозрения русских поэтов, становившиеся поводом для идеологических спекуляций, проходят своего рода проверку реальностью. Т. Кибиров корректирует поспешный характер обобщений Тютчева, Блока и их современных последователей о безусловно христианском характере российского религиозного призвания.

Поэт видит в таких обобщениях род идолатрии и самообольщения. Современный поэт, живущий в посттоталитарную эпоху и постидеологическую эпоху, сдержаннее, осторожнее, трезвее в своих оценках. При этом он актуализирует пушкинско-достоевский миф о «бесовстве», значимый для формирования культурного и религиозного сознания современного человека. Соединение историко-софских прозрений с легкой, изящной формой (традиции скоморошества и юродства, вероятно, позволили бы многое здесь объяснить) делают стихотворение искусным шедевром.

Разработка темы этого стихотворения продолжается в более поздних текстах, в таких стихотворениях, как «Красный день календаря» (2014), «На повестке дня вопрос» (2014), Постсоветская история обернулась новыми страшными подменами, попытками соединить несоединимое: поднимающиеся на мавзолей «Чайковский, Пушкин, Сталин, и Деникин, и Гагарин» («Красный день календаря...»), объявление Иисуса Христа «нашей национальной идеей» («На повестке дня вопрос...»).

Драматические и прозаические опыты

Драматические и прозаические опыты Кибирова также включают устойчивые образы, восходящие к литературному мифу о «бесовстве». Их изображение связано с жанровыми особенностями каждого текста и ведущей тональностью произведения. В синопсисе сценария для кукольного мультфильма *«Ночь до и после Рождества»* интересующий нас мотив переплетается с отсылками к книге Иова, «Фаусту» Гете, лермонтовскому Демону. Стилистика представления и описания «бесовской шайки» вбирает в себя страшное и комическое, она обусловлена рождественским контекстом — рассказом о последних и напрасных усилиях злых сил предотвратить чудесное событие. Нечисть строит свои козни («и буран поднимает, и усыпляет шофера попутки»), но ее всеисилие оказывается знаком приближающегося конца.

Либретто одноактного балета *«Победа над Фебом»* представляет опыт интерпретации истории российской культуры в XX веке, постепенно подпадавшей во власть крупных и мелких бесов. Сюжет произведения повествует о постепенном включении в бесовский хорювод новых персонажей: матросов, Граций, чиновников, «народные массы кордебалета», «силовые и властные структуры». Хорюводом руководит Недотыкомка, существо, похожее не столько на персонажа Ф. Сологуба, сколько на бесов Ивана Карамазова. Она провоцирует сначала бунт, а потом рабство и постепенно уводит всех во «тьму внешнюю».

В хронике *«Лада, или Радость»* образы бесовства являются фоном действия и важнейшей характеристикой изображенного мира. Они связаны с образами странной тишины и мглы и постепенного превращения мира, окружающего главную героиню Александру Егоровну в «безмолвный» и «бесчеловечный», «чужой», «непонятный». И сам характер вопрошаний об этом мире напоминает вопрошания лирического героя «Бесов»: «что это так зловеще стелется и шевелится? что мерцает за туманами?.. Что это все значит? Откуда и зачем это?»

Выводы

Таким образом, творчество Т. Ю. Кибирова содержит многочисленные вариации пушкинско-достоевского мифа о «бесовстве». Это достаточно устойчивый комплекс образов, который воплощен в произведениях различной жанрово-родовой принадлежности — стихотворениях, поэмах, сценарии мультфильма, либретто, деревенской хроники. Связь «дьяволиады» Кибирова с пушкинско-достоевским мифом устанавливается через прямые цитаты и парафразы отдельных мотивов, намеки, тематические комплексы, ритмические и синтаксические параллели. Миф о «бесовстве» может быть представлен намекающим штрихом или являться значимым элементом фона действия.

Комплекс составляет одну из констант картины мира поэта, хранящего верность классическим образам и гармонии в эпоху релятивизма, нигилистического отрицания, тотальной иронии. Кибиров соотносит элементы этого мифа с различными явлениями современной частной, культурной, общественно-политической жизни, будучи верным рыцарско-героической позиции [3]. Правда, героический

образ мало подходит Кибирову, так как поэт слишком часто признается в собственных ему малодушии, страхе, тоске, неуверенности. Но и сломленной личностью поэт не является: он хранит достоинство и человечность перед лицом устрашающих сил нового века. В число защищаемых им незабываемых ценностей входят и ценности классической культуры, столь часто забываемые, отвергаемые, превратно толкуемые.

Обращаясь к образно-тематическим структурам литературной классики, современный поэт приобщает нас к диалогу с великими собеседниками, вытесненными в советское и постсоветское время в сферу читающего меньшинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь / С. С. Аверинцев. Киев: Дух и Литера, 2001. 460 с.
2. Басинский П. Кара-Барас нашего времени / П. Басинский // Российская газета. 2008. 22 мая. № 4665. URL: <https://rg.ru/2008/05/22/kibirov.html>
3. Булкина И. Лирика начала века / И. Булкина // Новый мир. 2014. № 10. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_10/Content/Publication6_1244/Default.aspx
4. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. Москва: Наука, 1994. 220 с.
5. Гаспаров М. Л. Центон / М. Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. Москва: НПК «Интелвак», 2001. С. 1185.
6. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики / В. А. Грехнев. Нижний Новгород, Издательство «Нижний Новгород», 1994. 464 с.
7. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока / В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. С. 282-350.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. Москва: Академический проект, 2008. 303 с.
9. Магомедова Д. М. Миф о «бесовстве» в русской литературе и публицистике 1917-1921 гг. // Блоковские чтения. С.-Петербург, Музей-квартира А. Блока. 27 ноября 2017 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EIg8GuJ2LME>
10. Немзер А. С. Три предисловия / Немзер А. С. // Немзер А. С. Замечательное десятилетие русской литературы. Москва: Захаров, 2003. С. 366-367.
11. Пустовая В. Чуть запретное наслаждение. Поэт Тимур Кибиров: Для чего люди пишут стихи. Интервью с Тимуром Кибировым / В. Пустовая // Российская газета. 2015. 15 февраля. № 6602 (31). URL: <https://rg.ru/2015/02/15/kibirov-site.html>
12. Пушкин А. С. Сочинения: Комментированное издание / А. С. Пушкин. Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. Москва: Новое издательство, 2016. С. 292-332.
13. Тимур Кибиров. Персональный сайт. URL: <https://kibirov.poet-premium.ru>
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Е. Хализев. 6-е изд., испр. Москва: Издательский центр «Академия», 2013. 432 с.

Svetlana A. MARTYANOVA¹

UDC 821.161.1

PUSHKIN-DOSTOEVSKY MYTH ABOUT “DEVILRY” IN THE WORKS OF T. YU. KIBIROV

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian and Foreign Philology,
Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov
smartyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118

Abstract

The article is devoted to the analysis and interpretation of the myth of “devilry” in the works of the modern Russian poet T. Yu. Kibirov. The myth of “devilry”, which goes back to the poem “Demons” by Alexander Pushkin (1830), has a special place in the history of Russian literature of the 19th and 21st centuries. V. A. Grekhnev identified its main components, and D. M. Magomedova traced the path of myth in post-Pushkin literature, from M. Yu. Lermontov to M. A. Bulgakov. At the same time, the life of the Pushkin-Dostoyevsky myth of “demonic” in post-symbolist literature, in independent Russian literature of the 20th century and modern literature remains unexplored. The author of the article, referring to the material of T. Yu. Kibirov’s “Message to Lev Rubinstein” (1989), “Give me a deconstruction! Gave...”, “Good for Chesterton — he lived in England”, “Historiosophical centon”, “We did not sell Christ”, “Happy New Year” etc., the poem “Kara-Baras”, dramatic experiments “The night before and after Christmas”, “Victory over Phoebus”, the chronicles “Lada, or Joy”, reveals elements of similarity with the traditions of A. S. Pushkin and F. M. Dostoevsky: images of empty darkness and chaos, loss of the path, value orientations, an appeal to the symbolism of the ballad genre, presented in a serious, playful, ironic tone. The classical tradition contains important keys and values for understanding new reality and becomes an integral part of the artistic language of its description. At the same time, fidelity to the classics is devoid of a sense of exclusivity, loud pathos, moralism, often includes idyllic, sentimental, humorous tones. The poet’s return to the classical literary tradition occurs after oblivion or denial of its

Citation: Martyanova S. A. 2021. “Pushkin-Dostoevsky Myth about ‘Devilry’ in the Works of T. Yu. Kibirov”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 180-191.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

values in Soviet times, which gave rise to the cultural problems of the post-Soviet period. In the course of the work, the methods of comparative literary criticism, intertextual analysis, mythopoetic and historical and cultural studies were used.

Keywords

Universals, myth, demonic, quotation, A. Pushkin, F. M. Dostoevsky, T. Yu. Kibirov.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-180-191

REFERENCES

1. Averintsev S. S. 2001. *Sophia — Logos. Dictionary. Second revised edition.* Kiev: Spirit and Litera. 460 p. [In Russian]
2. Basinsky P. 2008. “Kara-Baras of our time”. Russian Newspaper. <https://rg.ru/2008/05/22/kibirov.html> [In Russian]
3. Bulkina I. 2014. “Lyrics of the beginning of the century”. New World. http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_10/Content/Publication6_1244/Default.aspx [In Russian]
4. Gasparov M. L. 1994. *Essay on the History of Russian Verse. Metrics. Rhythm. Rhyme. Strofikus.* Moscow: Nauka. 220 p. [In Russian]
5. Gasparov M. L. 2001. “Centon”. *Literary Encyclopedia of Terms and Edited by A. N. Nikolyukin.* Moscow: NPK Intelvak. Pp. 1185. [In Russian]
6. Grekhnev V. A. 1994. *The World of Pushkin’s Lyrics.* Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Publishing House. 464 p. [In Russian]
7. Zhirmunsky V. M. 2001. “Poetry of Alexander Blok”. *Zhirmunsky V. M. Poetics of Russian Poetry.* Saint-Petersburg: Azbuka-classic. Pp. 282-350. [In Russian]
8. Losev A. F. *Dialectics of the Myth.* Moscow: Academic project. 303 p. [In Russian]
9. Magomedova D. M. 2017. *The Myth of “Devilry” in Russian Literature and Journalism 1917-1921. Blok readings.* Saint-Petersburg, Museum A. Blok’s apartment. 27 November 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=EIg8GuJ2LME> [In Russian]
10. Nemzer A. S. 2003. “Three prefaces”. *Nemzer A. S. A Wonderful Decade of Russian Literature.* Moscow: Zakharov. Pp. 366-367. [In Russian]
11. Pustovaya V. “A little bit forbidden pleasure. Poet Timur Kibirov: Why people write poetry. Interview with Timur Kibirov”. Russian Newspaper, no. 6602 (31). <https://rg.ru/2015/02/15/kibirov-site.html> [In Russian]
12. Pushkin A. S. 2016. *Works: Commented Edition. Edited by David M. Bethea. Issue 3: Poems: From “Northern Flowers” 1832.* Moscow: New Publishing House. Pp. 292-332. [In Russian]
13. Timur Kibirov. Personal Site. <https://kibirov.poet-premium.ru> [In Russian]
14. Halizev V. E. 2013. *Theory of Literature: Textbook for Student Institutions of Higher Specialized Education. 6th edition.* Moscow: Academy Publishing Center. 432 p. [In Russian]